

УДК 327 (262.81)

НОВАЯ ТРУБОПРОВОДНАЯ АРХИТЕКТУРА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**ЖИЛЬЦОВ С.С.,
доктор
политических наук,
заведующий
кафедры
политологии и
политической
философии
Дипломатической
академии
Министерства
иностраных
дел Российской
Федерации**

В статье рассматриваются последствия распада СССР, который повлек за собой появление на берегах Каспия и просторах Центральной Азии новых независимых государств, для которых разработка новых месторождений и потенциальные запасы углеводородных ресурсов открыли новые горизонты для развития.

Принципиально важным моментом стало формирование экспортных трубопроводов в широтном направлении, которые должны были прийти на смену трубопроводной архитектуре бывшего СССР. В последние двадцать лет странами Каспийского региона и Центральной Азии удалось сформировать новые энергетические потоки. Энергетические потоки неразрывно связаны с углеводородными ресурсами Казахстана (газоконденсатное месторождение «Карачаганак»), Туркменистана (газовое месторождение Галкыныш) и Азербайджана (нефтяные месторождения Азери-Чираг-Гюнешли, газовое месторождение «Шах-Дениз»).

Ключевые слова: Каспийский регион, углеводородные ресурсы, энергетические потоки, трубопроводы.

Контурь новой трубопроводной архитектуры

Исторически все прикаспийские республики были связаны со странами Запада только через территорию России. По этой причине, после распада СССР стратегия стран Каспийского региона была направлена, прежде всего, на создание новой архитектуры трубопроводов, которая являлась бы частью энергетического коридора Восток-Запад и шла в обход России.

Под влиянием внерегиональных государств формировались подходы стран региона. Повышенную

активность в Каспийском регионе проявляли США, которые намерены были привлечь страны к субрегиональным транспортно-энергетическим маршрутам экспорта углеводородного сырья в обход России в интересах ведущих американских компаний. Не случайно, представители американской администрации в начале 1990-х годов отстаивали идею: «российской нефти – да, российским трубопроводам – нет».

Согласно замыслам Вашингтона, новый каркас коммуникаций должен быть децентрализованным и опираться на многочисленные связи, идущие в разных направлениях. Фактически речь шла о создании новых трубопроводных маршрутов, переориентации существующих и будущих направлений поставок энергетических ресурсов, а также об изменении внешнеторговых и кооперационных связей. Официально декларируемой позицией США по этому вопросу являлась стратегия многосторонних трубопроводов.

Ожесточенная борьба вокруг нефте- и газопроводов развернувшаяся со второй половины 1990-х годов, перестала быть в чистом виде экономическим соперничеством и превратилась в геополитическую борьбу за стратегию развития Каспийского региона. В нее активно включились прикаспийские страны, западные государства и нефтяные компании. При этом стратегия стран Каспийского региона была основана на масштабном привлечении иностранных инвестиций, укреплении стабильности в регионе, экономическом развитии за счет топливно-энергетического комплекса. Это подталкивало страны Каспийского региона к поиску альтернативных путей транспортировки природного газа и нефти.

Для прикаспийских стран трубопроводы превратились не только в самостоятельный источник доходов от транзита или непосредственной добычи углеводородного сырья. Не меньшее внимание было направлено на сам факт строительства нефтепроводов или их отсутствие. Развитие атрибутов демократической политической системы стран постсоветского пространства в этом регионе, принятие новых конституций, проведение альтернативных выборов – все это, безусловно, подняло престиж этих государств, сделав их ближе и понятнее для западных государств. Однако этого было явно недостаточно для осуществления долгосрочных инвестиций в экономики прикаспийских государств. Для привлечения масштабных финансовых ресурсов необходимо было создание более

надежных гарантий стабильности, в качестве которых и должны были в последующем выступить нефтепроводы. Именно стабильность внутри каждой из стран, поддерживаемая правительствами и дополненная широким участием иностранных нефтяных компаний, могла стать точкой отсчета для нового более масштабного витка инвестиций в экономики государств Каспийского региона.

Администрация США ставила перед собой задачу изменить существующие нефтяные потоки, тем самым получив возможность управления регионом. При этом одним из главных и принципиальных условий, которого администрация США придерживалась с самого начала, – чтобы новые маршруты не проходили по российской или иранской территории. По этой причине появился проект Баку – Тбилиси – Джейхан, рассматриваемый как основной экспортный трубопровод (ОЭТ), который обходил территорию России. США не уставали подтверждать, что поддерживают трубопроводную политику Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая была нацелена на то, чтобы освободиться или уменьшить зависимость от России в области доставки природного газа и нефти в страны Европы. Однако после распада СССР единственным и реально действующим маршрутом для доставки углеводородных ресурсов из этих стран оставалось российское направление. Данная ситуация подталкивала страны региона и внерегиональные государства к формированию новых экспортных маршрутов для углеводородных ресурсов.

Первым продвижением по пути создания коридора Восток-Запад стало введение в эксплуатацию трубопровода Баку – Супса в апреле 1999 года. По трубопроводу доставлялась азербайджанская нефть с месторождения Чираг. Проект нашел поддержку после дестабилизации ситуации в Чечне через территорию которой проходила часть нефтепровода Баку – Новороссийск. Протяженность маршрута Баку – Супса, который проходил через территорию Грузии с дальнейшей транспортировкой нефти в черноморские порты Самсун и Фракию (Турция), Бургас (Болгария) и Одессу (Украина), составила 850 км. Пропускная способность нефтепровода должна была составить до 10 млн. т. нефти в год¹.

К 1998 году стало ясно, что планы США по развитию Афганского маршрута (имеются в виду две нитки газопровода и нефтепровода) затягиваются, и коридор Баку – Тбилиси – Джейхан стал

основной планкой в политике Вашингтона в сфере освоения Каспийского региона. Активизация работ по продвижению маршрута Баку – Тбилиси – Джейхан вылилась в подписание на Стамбульском саммите ОБСЕ (18 ноября 1999 г.) Межправительственного соглашения о транспортировке каспийской нефти. Соглашение подписали президенты Турции, Грузии и Азербайджана. Кроме того, президентами Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Турции в присутствии президента США Б. Клинтона, специально прилетевшего в Стамбул, была подписана Межправительственная декларация «О принципах реализации транскаспийского трубопровода» (газопровода).

В тот период энергетические ресурсы являлись далеко не ключевым фактором интереса США к региону. Они выступали скорее как инструмент управления геополитическими процессами на Евразийском пространстве, куда входит Каспийский регион и Центральная Азия. В соответствии с этим, основные дивиденды от усилий, предпринимаемых в регионе, США рассчитывали получить спустя десятилетия. Как писал З. Бжезинский, «Клинтон заслуживает признания за инициативу, которая в последующем стала препятствием для возрождения российского империализма. Таким препятствием является спонсируемый Соединенными Штатами нефтепровод Баку – Джейхан. Смысл этого нефтепровода в том, чтобы дать Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти»².

Появление альтернативных маршрутов нефти и газа шло параллельно с определением перспектив своего присутствия в регионе западными государствами. Американская администрация, входя в начале 1990-х годов в Каспийский регион, только намечала контуры своей стратегии, в том числе и в области трубопроводного транспорта. США, в отличие от прикаспийских государств, ищущих в первую очередь экономические и политические выгоды, шли на берега Каспия больше из-за геополитических соображений. С помощью нефтяных компаний, транснациональных корпораций они начали укреплять свое влияние в регионе, тем самым создавая барьер для участия российских нефтяных компаний в разведке и добыче углеводородов Каспия и транспортировке их на внешние рынки³. Аналогичная ситуация наблюдалась в политике ЕС, который постепенно, с помощью политико-дипломатических механизмов расширял свое присутствие в Каспийском регионе.

Активность крупных государств мира в Каспийском регионе, проявляющаяся в самых разных формах – дипломатических, экономических, военных и т.д., иллюстрирует в конечном счете основную геополитическую реальность: обостряющаяся соперничество за источники сырья, прежде всего, за энергоресурсы⁴. Добыча и транспортировка углеводородного сырья на внешние рынки рассматривалась через призму кардинального изменения двусторонних и многосторонних отношений в регионе, создания новых транспортных коммуникаций и новой структуры экономических связей.

Азербайджан меняет энергетическую политику

Первоначально Баку делал ставку на добычу нефти, которая велась в стране с давних времен. В сентябре 2014 года исполнилось 20 лет с момента подписания соглашения о разведке и разработке нефтяных месторождений Азери – Чираг и глубоководного Гюнешли. Данное соглашение получило название «контракта века» и рассматривалось в Баку в качестве отправной точки для начала увеличения добычи нефти и ее экспорта на европейский рынок. Тем более, что различные оценки говорили о наличии на азербайджанских месторождениях значительных запасов нефти.

Интерес к Азербайджану со стороны западных стран и нефтегазовых компаний определялся выгодным географическим положением. Страна могла поставлять нефть как в российском, так и в западном направлении. Азербайджанские углеводороды рассматривались западными странами в качестве дополнительного источника сырья, а в перспективе – в качестве альтернативы российским поставкам. Кроме того, внимание к Азербайджану усиливали многочисленные прогнозы о возможности в короткие сроки нарастить добычу значительных объемов нефти. В тоже время, длительное время Азербайджан не был конечной целью в политике западных стран, занимая в их планах промежуточное, транзитное положение для экспорта будущих объемов туркменских и казахстанских углеводородных ресурсов.

Энергетическая политика Азербайджана стала меняться в конце 90-х годов, после открытия новых запасов природного газа на месторождении «Шах-Дениз». Это поставило вопрос о разработке месторождения, а также о транспортировке газа на внешние рынки. Это усилило интерес Баку к новым проектам трубопроводов, которые должны

были обеспечить выход азербайджанского газа на внешние рынки⁵.

В последние десять лет Баку стал активным участником различных трубопроводных проектов, привлекательность которых определялась прогнозами добычи газа на месторождениях Азербайджана и политической поддержкой ЕС. Так, длительное время Азербайджан поддерживал европейский проект газопровода «Набукко», который должен был поставлять газ в Турцию и в страны ЕС. Недостаточный объем азербайджанского газа для европейского проекта и переориентация Ашхабада на Китай, который направил в свою сторону туркменский газ, не позволило реализовать амбициозный проект ЕС.

Неудачи с реализацией проекта газопровода «Набукко», который ориентировался на поставки туркменского и азербайджанского газа в Европу, скорректировал политику Азербайджана, который стал более активно реализовывать собственные трубопроводные проекты, идущие в направлении стран ЕС. Так, в последние несколько лет основные усилия Баку направлены на строительство трубопроводов, которые являются составной частью *Южного газового коридора*, который должен объединить уже реализованный газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум с новыми проектами: Трансанатолийским газопроводом (TANAP) и Трансадриатическим газопроводом (TAP).

Новый импульс реализации масштабного и амбициозного проекта был дан в сентябре 2014 года. Этому предшествовали многочисленные переговоры с Турцией, альянс с которой открыл Азербайджану реальную возможность для увеличения поставок газа на внешние рынки.

Строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансадриатического (TAP) должно быть завершено к 2019 году. Отправной точкой должно стать месторождение «Шах-Дениз», газ с которого в объеме 16 млрд. м³ должен пройти через территорию Грузии, Турции, Албании и далее на юг Италии. Планируется, что поставки газа в Турцию составят 6 млрд. м³ и 10 млрд. м³ – в европейские страны. Разворот Азербайджана в сторону Балкан стал отражением ситуации, которая сложилась вокруг реализации ряда проектов газопроводов, предлагаемых ЕС.

Дополнительные объемы углеводородного сырья, поступающего из Азербайджана, создадут европейским странам возможности для «игры» с ценами на переговорах с Россией. Реальное усиление

на газовый рынок Европы и политику России дополнительные объемы азербайджанского газа могут оказать значительно позже. Так, только в разработку второй стадии месторождения «Шах-Дениз», инвестиционное решение по которому было принято в декабре 2013 года, необходимо инвестировать порядка 45 млрд. долл., которые пойдут не только в освоение месторождения, но и создание инфраструктуры.

В 2014 году Азербайджан намерен был добыть 28 млрд. м³ газа, а в последующие годы, с учетом имеющихся мощностей, выйти на уровень 30-32 млрд. м³. Ввод в эксплуатацию второй очереди газового месторождения «Шах-Дениз» позволит Азербайджану ожидать увеличения добычи газа еще на 16 млрд. м³. В результате, через 8-10 лет экспортный потенциал Азербайджана может составить порядка 25 млрд. м³.

Баку рассчитывает на разведанные площади месторождений «Абшерон», «Умит» и «Азери-Чираг-Гюнешли», где найден газ глубокого залегания. После разработки перспективных месторождений, Азербайджан может потенциально увеличить экспорт газа еще на 10 млрд. м³, доведя его общий объем до 35 млрд. м³. Однако появление дополнительных объемов углеводородного сырья может произойти не ранее 2025 года. К тому же, данные планы может скорректировать падение добычи на уже эксплуатируемых скважинах. Кроме того, объемы экспорта будут находиться под влиянием изменений, которые происходят на европейском газовом рынке: возможным увеличением поставок сжиженного природного газа и сланцевого газа из США.

Для транспортировки дополнительных объемов добываемого газа Азербайджан будет располагать газопроводом Баку – Тбилиси – Эрзурум, проектной мощностью в 16 млрд. м³ и Трансадриатическим газопроводом (TAP) с проектной мощностью 10 млрд. м³ с возможностью расширения до 20 млрд. м³. Со строительством TAP участие Азербайджана в Транскаспийском газопроводе теряет смысл, поскольку для Баку важно загрузить собственную «трубу».

Казахстанская нефть стремится на Запад

Идея реализации *Транскаспийского коридора*, как через строительство нефте- и газопроводов по дну Каспия, так и доставки углеводородных ресурсов танкерным флотом появилась после данных о наличии в Казахстане огромных запасов нефти. О строительстве Транскаспийского нефтепровода

Актау–Баку стали говорити в середині 90-х років минулого століття і напряму зв'язували з просуванням проекту Баку–Тбілісі–Джейхан. Ініціатори проекту вважали, що «підключення» казахстанської нафти дозволить максимально завантажити експортний нафтопровід і усилить залученість Казахстану в транспортування каспійських углеводородів. Початкові плани передбачали завершити будівництво трубопроводу до 2003–2004 років.

Трудності з розробкою родовищ в Казахстані і постійний перегляд прогнозів видобування нафти скорректировали плани будівництва нафтопроводу, але не зменшили інтереси казахстанської сторони до ідеї транспортувати нафту через Транскаспійський трубопровід. Підтвердженням цьому служать численні заяви представників Казахстану і підписані угоди з Азербайджаном в 1990-х і на початку 2000-х років.

Більше уваги Казахстану віддавав Казахстанський каспійський трубопровід нафти (ККСТ), призначений для експорту казахстанської нафти через Каспій танкерами. На першому етапі поставки танкерами по Каспію повинні були скласти до 10 млн. т нафти. Потужність даної системи повинна була зрости до 38 млн. т. Введення системи в експлуатацію планувалося на рубежі 2010–2012 років, коли, як розраховували в Казахстані, повинна була зрости видобування на «Кашагане». В Казахстані вважали, що участь в проекті Баку – Тбілісі – Джейхан дозволить на практиці реалізувати принцип багатовекторності в питаннях вибору транспортування казахстанської нафти на зовнішні ринки. Виходячи з подібних прогнозів, Казахстан реалізовував зовнішню політику в Каспійському регіоні, підписуючи різні угоди з Азербайджаном про поставки нафти в нафтопровід Баку – Тбілісі – Джейхан.

Не чекаючи появи нових родовищ на максимальний рівень видобування, Казахстан прагне диверсифікувати маршрути поставок своєї нафти. В кінці 2013 року Казахстан прийняв рішення про транспортування углеводородних ресурсів через Каспій в об'ємі 4 млн. т нафти. З цього об'єму 3 млн. т призначено для нафтопроводу Баку–Тбілісі–Джейхан, а 1 млн. т повинно залишатися до грузинського терміналу Кулеві на Чорному морі.

Трудності, з якими стикається Казахстан при видобуванні нафти, дозволяють очікувати появи

дополнительных объемов углеводородных ресурсов не ранее 2025 года. До этого момента прокачка казахстанских углеводородов на внешний рынок способны обеспечить действующие трубопроводы. Так, основными направлениями экспорта казахстанских углеводородов в ближайшем будущем будет выступать российское направление. Прежде всего, через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума, мощность которого после 2015 года должна возрасти до 67 млн. т. И лишь затем Казахстану могут потребоваться дополнительные экспортные мощности, что повысит интерес к новым трубопроводным проектам, в том числе и к маршруту через Каспийское море. Впрочем, большинство прогнозов, касающихся разработки нефтяных месторождений в Казахстане, носят предварительные оценки. Это связано, прежде всего, с постоянными переносами начала добычи нефти на месторождении «Кашаган». Пока большинство заявленных планов относительно данного месторождения остается на бумаге, что ведет к снижению роли Казахстана в поставках нефти на внешние рынки, а соответственно, создает предпосылки для изменения расстановки сил в Каспийском регионе.

Несмотря на серьезные проблемы, связанные с освоением перспективных месторождений, Казахстан по-прежнему делает прогнозы, в которых ожидает увеличения добычи углеводородных ресурсов. Этот фактор определяет линию Казахстана при обсуждении экспортных маршрутов для потенциальных объемов углеводородных ресурсов.

Технологический капкан

Страны, расположенные на восточном побережье Каспия (Казахстан и Туркменистан) ограничены в реализации своей энергетической стратегии. Прежде всего, в силу своего географического положения, которое значительно снижало их шансы получить доступ к европейскому рынку. Кроме того, большое влияние имели отношения с Россией, которые развивались достаточно сложно. Однако главным фактором, который не позволил усилить позиции в нефтегазовой сфере, стали технологические трудности. В первую очередь, это коснулось Казахстана, который выстраивал свою энергетическую стратегию на основе ожиданий скорого начала добычи на нефтяном месторождении «Кашаган».

Дополнительный интерес к реализации проекта на «Кашагане» определялся отсутствием предпосылок для наращивания добычи на уже действу-

ющих месторождениях, многие из которых прошли пик добычи. В итоге, в последние годы добыча нефти в Казахстане практически не росла. Так, если в 2010 году было добыто 81 млн. т. нефти, то в 2013 году – лишь около 82 млн. т. Хотя ранее в Казахстане ожидали выйти к 2015 году на уровень добычи в 130-135 млн. т. В целом, согласно оценкам министра энергетики Казахстана Владимира Школьника, максимальный объем добычи нефти в стране ожидается в 2031 году на уровне 113 млн. т. После этого ожидается постепенное снижение добычи нефти⁶.

Постоянный перенос начала добычи на «Кашагане» стал следствием отсутствия необходимых технологий, способных преодолеть сложные геологические условия, большие глубины залегания нефти, высокое пластовое давление, а также непростые климатические условия, которые существуют в северной части Каспийского моря. Все эти факторы затрудняют освоение нефтяного месторождения, пуск которого первоначально был назначен на 2005 год. Затем сроки многократно менялись.

Последний раз попытка начать добычу нефти на этом месторождении и осуществить ее транспортировку была предпринята в октябре 2013 года. Однако уже через два дня добыча была приостановлена после того, как были выявлены многочисленные трещины в трубопроводе. Они появились в результате воздействия на металл попутного газа с высоким содержанием серы. В итоге, возникла необходимость замены 200-километров трубопровода, по которому нефть и газ транспортируются с искусственного острова на Каспии на побережье. Полная замена трубопровода на «Кашагане» займет много времени, а применение труб, устойчивых к агрессивной среде значительно удорожит проект, в который уже вложены значительные средства. Если в самом начале разработки месторождения инвестиции в его освоение не превышали 10 млрд. долл., то по мере осуществления подготовительных работ стоимость постоянно возрастала. По последним оценкам суммарные инвестиции могут превысить сто миллиардов долларов. В итоге, по предварительным данным устранение неполадок может продлиться до 2016 года. При этом нет никаких гарантий, что после этого начнется стабильная добыча нефти.

Китайский вектор

Наиболее успешными можно считать создание энергетического коридора из Центральной Азии

в направлении Китая, который в последние годы трансформировался в проект *«Великого энергетического пути»*. Благодаря целенаправленной политике, которая подкреплялась значительными финансовыми ресурсами, Китаю удалось включить в орбиту своего влияния Туркменистан, который должен обеспечить Пекину надежные поставки природного газа на долгосрочной основе, и Казахстану, чье значение может возрасти в долгосрочной перспективе.

Для Китая страны Центральной Азии имеют стратегическое значение из-за наличия углеводородных ресурсов. Не случайно, главной темой, обсуждаемой в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, состоявшийся в сентябре 2013 года, стали вопросы дальнейшего расширения энергетического сотрудничества, которое Пекин рассматривает через призму своего текущего экономического развития и реализации долгосрочных интересов. Данный визит открыл новый этап внешней политики Китая в регионе. Было достигнуто соглашение о строительстве четвертой ветки газопровода Туркменистан – Китай мощностью 30 млрд. м³. Первые три ветки были введены в строй в 2009, 2010 и 2014 годах. Строительство четвертой ветки должно быть завершено в 2016 году. Объем инвестиций должен составить около 6,7 млрд. долларов. В результате, объемы поставок газа по газопроводу к 2020 году должны увеличиться до 80 млрд. м³ ежегодно⁷.

За последнее десятилетие Китай принял активное участие в проектах по развитию экономики стран Центральной Азии, превратившись в стратегического партнера. Взаимодействуя с Пекином страны Центральной Азии в основном решают задачи экономического развития, добываясь, таким образом, социально-экономической стабильности. Китай, «бросая» в регион значительные финансовые ресурсы, соотносит потребности своей экономики в углеводородных ресурсах с геополитическими устремлениями.

Большое внимание Китай уделяет Казахстану, углеводородные ресурсы которого давно находятся в фокусе внимания Пекина. В ходе визита председателя КНР в Казахстан в сентябре 2013 года, китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд. долларов. В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран стороны договорились углублять взаимодействие, и в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил

о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа.

Расширению сотрудничества Китая со странами региона способствуют географическая близость и заинтересованность стран Центральной Азии в разработке месторождений нефти и газа. Мощным аргументом Пекина в продвижении своих интересов стали дешевые кредиты, а также готовность нести дополнительные затраты, прежде всего, связанные с развитием инфраструктуры стран Центральной Азии. В итоге, китайские нефтегазовые активы, приобретенные за последнее десятилетие в странах Центральной Азии, стали мощным инструментом политического влияния Пекина в странах региона.

Масштабные проекты в сфере добычи и транспортировки углеводородных ресурсов выступают в качестве инструмента китайской политики в реализации долгосрочных интересов. Пекин рассчитывает установить контроль над перспективными месторождениями нефти и газа стран региона с целью их последующего интенсивного использования. Подобная ресурсная политика Китая в Центральной Азии лишает страны региона альтернатив развития.

Великий энергетический путь, продвигаемый Китаем в последние годы, направлен на расширение возможностей в осуществлении поставок углеводородных ресурсов и отсечении от каспийских и центрально-азиатских месторождений нефти и газа западных государств. Направленность данного пути задается Пекином и подчинена его долгосрочным интересам.

Будущее региона определяют прогнозы

Движущей силой развития энергетического сектора стран Каспийского региона остаются прогнозы добычи и экспорта нефти и газа. На их основе разрабатываются национальные программы развития топливно-энергетического сектора, они берутся за основу при обсуждении и продвижении будущих проектов трубопроводов. И хотя публикуемые с 90-х годов прогнозы прикаспийских стран оказывались чрезмерно завышенными, тем не менее, они до сих пор оказывают сильное влияние на формирование внешнеполитического курса стран региона и диктуют дальнейшие шаги нефтегазовых компаний⁸.

Трубопроводная гонка, в которой страны Центральной Азии и Каспийского региона приняли

самое активное участие, обнажили комплекс проблем, которые стали серьезным препятствием для формирования новых энергетических потоков. Ключевыми факторами стало отсутствие необходимой трубопроводной инфраструктуры и технологий добычи, стремление использовать инвестиции нефтегазовых гигантов в качестве противовеса российской политике.

Страны Каспийского региона и внерегиональные страны зачастую руководствуются математическим подходом, определяя сроки освоения каспийских месторождений и темпы реализации новых трубопроводных проектов на основании политических договоренностей и соглашений. Как правило, подобный подход здесь не работает, поскольку геополитические интересы и трудности с промышленным освоением вносят существенные коррективы, заставляя многократно пересматривать сделанные ранее прогнозы.

Стоит отметить, что планы по созданию прямого сообщения между восточным и западным берегом Каспия предпринимались давно. Так, в 50-х годах прошлого века разрабатывался проект по строительству железнодорожного туннеля под Каспием, который должен был соединить Баку и Красноводск в Туркменистане. Трассу туннеля планировалось проложить на мелководной полосе с наибольшей глубиной в 150 метров, находящейся на широте Апшеронского полуострова. Равные 150 километровые подъемы к двум берегам были настолько длинными, что уклоны получались незначительными и легко могли быть преодолены электровозом. В тот период это был первый проект туннеля, который должен был пересечь море. Однако технологические трудности и финансовые затраты, не позволили СССР осуществить этот грандиозный проект. После распада СССР, Каспийское море стали примерять на новые, трубопроводные проекты, которые также являются уникальными из-за сложностей, которые предстоит решить их разработчикам⁹.

Новые каспийские страны решили для себя одну из главных задач – привлекли средства зарубежных нефтегазовых компаний в энергетический сектор, который выступает в качестве локомотива развития экономики. Разработке месторождений нефти и газа руководство новых прикаспийских государств уделяло особое внимание. При политической поддержке западных стран были построены или находятся в стадии обсуждения новые проекты трубопроводов, которые закрепили страны

региона в орбите интересов нефтегазового бизнеса и внерегиональных государств.

Для сохранения повышенного интереса к каспийским углеводородным ресурсам со стороны нефтегазовых компаний прикаспийские страны публикуют завышенные прогнозы добычи нефти и газа. Однако делать это становится все труднее, особенно с учетом огромных затрат, которые понесли нефтегазовые компании, но пока так и не увидели объемов, которые бы позволили каспийскому региону приблизиться ко «второму Кувейту».

Формирование энергетических потоков в Каспийском регионе может скорректировать политика Ирана, который все настойчивее заявляет о своих планах по увеличению поставок своего газа Европу. Пока речь идет об организации поставок газа в объеме 10 млрд. м³. Для реализации подобных планов Иран намерен ускорить строительство необходимой инфраструктуры, которая позволит

иранскому газу достичь европейских потребителей¹⁰. Политическая изоляция Ирана, который в течении длительного времени был отстранен от обсуждения и реализации трубопроводных проектов, привел к искусственному конструированию трубопроводной архитектуры в Центральной Азии и Каспийском регионе¹¹.

За более чем двадцатилетнюю историю страны Каспийского региона создали трубопроводную архитектуру, которая позволила им экспортировать свои углеводородные ресурсы, минуя территорию России. Значительный рост добычи нефти и газа обеспечил заполнение новых экспортных маршрутов, которые стали фундаментом развития каспийских стран. В последующие десятилетия страны Каспийского региона намерены продолжить реализацию амбициозных планов по формированию новых экспортных потоков, направленных на увеличение поставок нефти и газа на внешний рынок.

ССЫЛКИ:

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003. – С. 114.

² Бжезинский З. Еще один шанс. М., Международные отношения. – 2007.

³ Жильцов С.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий / Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – №1. – Том 17. – 197 с.

⁴ Томберг И. Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап «Большой энергетической игры» / Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №5. – С. 24.

⁵ Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. – М.: Восток-Запад. – 2011. – 320 с.

⁶ Жильцов С.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий / Центральная Азия и Кавказ. 2014. – №1. – Том 17. – С. 10.

⁷ Юлдашева Н. Слишком больно не будет... / Деловая неделя (Казахстан). 2014. – 17 октября.

⁸ Жильцов С.С. Каспийский регион на перекрестке геополитических стратегий / Центральная Азия и Кавказ. 2014. – №1. – Том 17. – С. 37–50.

⁹ Зонн И.С., Костяной А.Г., Косарев А.Н., Жильцов С.С. Каспийское море. Энциклопедия. – М.: Восточная книга. – 2013. – 560 с.

¹⁰ Пархомчик Л. Современная политика Ирана в Каспийском регионе / Проблемы постсоветского пространства. – 2014. – №1. – С. 37–49.

¹¹ Жильцов С.С. Состояние и перспективы политики стран Центральной Азии в газовой сфере / Сборник материалов Центрально-азиатского газового форума. 25-26 июня 2014 г. Алматы. – С. 21–22.

Zhiltsov S.S. New pipeline architecture in the Caspian region: results and prospects / Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

The article examines the consequences of the collapse of the Soviet Union, which caused the emergence of new independent states on the shores of the Caspian Sea and Central Asia spaces. The exploration of new deposits and potential reserves of hydrocarbon resources opened up the new horizons for development of new independent states.

Fundamentally important point was the formation of export pipelines in latitudinal direction that had to replace a pipeline architecture of the former USSR. Over the past twenty years the states of the Caspian region and Central Asia have formed to form a new energy flows.

Energy flows are inextricably linked to the hydrocarbon resources of Kazakhstan (gas condensate field «Karachaganak»), Turkmenistan (gas field Galkina), and Azerbaijan (oil fields Azeri-Chirag-Guneshli and gas field «Shah Deniz»).

Keywords: Caspian region, hydrocarbon resources, energy flows, pipelines.

Жильцов С.С. Нова трубопровідна архітектура в Каспійському регіоні: підсумки і перспективи / Дипломатична академія Міністерства закордонних справ Російської Федерації.

У статті аналізуються наслідки розпаду СРСР, який спричинив на берегах Каспію і просторах Центральної Азії появу нових незалежних держав, для яких розробка нових родовищ і потенційних запасів вуглеводневих ресурсів відкрили нові горизонти для розвитку.

Принципово важливим моментом стало формування експортних трубопроводів у широтному напрямі, які повинні були замінити собою трубопровідну архітектуру колишнього СРСР. За останні двадцять років державам Каспійського регіону і Центральної Азії вдалося сформувати нові енергетичні потоки. Енергетичні потоки нерозривно пов'язані з вуглеводневими ресурсами Казахстану (газоконденсатне родовище «Карачаганак»), Туркменістану (газове родовище Галкиниш), та Азербайджану (нафтові родовища Азері-Чіраг-Гюнешлі і газове родовище «Шах-Деніз»).

Ключові слова: Каспійський регіон, вуглеводневі ресурси, енергетичні потоки, трубопроводи.

Стаття надійшла до редколегії 16.03.2015

Прийнята до друку 13.04.2015